

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1870 г.

ТОМЪ I.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.



Печатня



В. И. Головина,



у Владимирской церкви, домъ № 15, кварт. № 3.

1870.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОМЪ I.

Годъ первый. ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЬ, АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ. 1870 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Объ изданіи «Русской Старины»	1	XI. Записки М. И. Глининъ 1804-1854 гг. части I и II	313
II. Военныи быть въ Беломъ Новогородѣ XI—XV ст. Изслѣдованіе А. И. Никитскаго	5	XII. Указы, реескрипты, письма: Петра I, Екатерины I, Анны Ивановны, Ивана Антоновича, Павла I, императрицы Марии Федоровны, импер. Александра I и Николая Павловича. 1705-1826 гг.	389
III. Журналъ генерал-фельдмаршала кн. Ю. Ю. Трубецкаго 1717-1763 гг.	33	XIII. Письма, разсказы и замѣтки относящіяся до государ. дѣтелей: кн. М. М. Щербатова, гр. Аракчеева, кн. М. И. Голенищева—Кутузова—Смоленскаго; гр. П. П. Коновницына, генер. Фуля, А. С. Шишкова, архимандрита Фотія и И. Н. Скобелева, 1789-1826 гг.	478
IV. Записки придв. бригадицкаго Позье 1729-1764 гг. и пис. Пикара 1781 г.	128	XIV. Русские писатели XVIII-го вѣка: Олешикъ въ Днѣтрѣвъ—Маконовъ, изслѣд. М. Н. Лонгинова	541
V. Записки Лагарпіи о воспитаніи в. к. Александра и Константина Павловичъ 1786-1789 гг.	152	XV. Русские писатели XIX-го вѣка: К. Н. Батюшковъ, кн. А. И. Одоевскій, В. К. Кюхельбекеръ, И. А. Крыловъ, А. С. Пушкинъ, Н. А. Полевой и Ф. Ф. Вигель	549
VI. Воспоминанія гр. Коновницына, адмирала Колзакова, А. П. Степанова, сенатора И. Д. Данилова, Н. А. Титова, А. П. Корнильевъ, генер. Н. Г. Смыгунова 1808-1826 гг.	207	XVI. Некрологъ: о М. Я. Морошининъ. (+ 15 апрѣля 1870 г.).	579
VII. Записки М. А. Бестужева: I. Братья Бестужевы. II. Стѣнная азбука въ Петров. крѣпости 1820-1826 гг.	253	XVII. Библ. листокъ рус. истор. книгъ	1-20
VIII. Бунты военныхъ поссланъ, рассказы очевидцевъ: о. И. Пархома и П. Н. Дирина 1831 г.	275		
IX. Записки императора Николая Павловича о Пруссіяхъ дѣлахъ 1848 г.	289		
X. Оборона Петропавловскаго порта въ Камчаткѣ 1854 г., записки контр-адмирала А. П. Арбузова	298		

ПРИЛОЖЕНІЕ: Записки А. Т. Болотова 1738-1794 гг. части I—IV., письма 1—47., съ портретомъ и 22-ма рисунками, исполненными авторомъ и гравированными акад. Л. А. Страховскимъ. Быть статья А. П. Арбузова приложенъ планъ Камчатскаго порта въ 1854 г., исполн. въ картогр. завед. А. А. Ильина.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.



Печатня



В. Н. Головиза,



1870.

Чувство глубокой преданности къ своему благодѣтелю Константину Павловичу сохранилъ отецъ мой до конца—и довѣріе къ нему в. к. также неизмѣнилось. — Во всѣхъ счастливыхъ и горестныхъ минутахъ жизни цесаревича—отецъ мой всегда его сопровождалъ; такъ, напр., онъ былъ одинъ изъ немногихъ свидѣтелей вѣнчанія цесаревича съ княгиней Ловицкой;—ему одному поручилъ в. к. жену свою въ страшную ночь революціи въ Варшавѣ;—онъ былъ постоянно при ней въ Бѣлостокѣ и Витебскѣ и ему одному пришлось закрыть глаза своему благодѣтелю въ Витебскѣ въ день внезапной его кончины, и привезти тѣло его въ Петербургъ.—Память о немъ сохранялъ отецъ мой свято и послѣ смерти велик. князя—и до самой своей кончины не пропускалъ онъ случая, каждый разъ, въ день рожденія и въ день кончины своего благодѣтеля и могу сказать друга, чтобы не поклониться праху его въ Петропавловскомъ соборѣ.

Разсказы и воспоминанія отца моего объ отношеніяхъ его къ цесаревичу Константину Павловичу, и о событияхъ, сопровождавшихъ кровавые дни польской революціи 1830—1831 гг. я надѣюсь постепенно представить на страницахъ «Русской Старины».

К. П. Колвацовъ.

ЗАПИСКИ М. А. БЕСТУЖЕВА.

I.

Братья Бестужевы *).

Насъ было пять братьевъ и всѣ пятеро погибли въ крушении 14 декабря 1825 года. Посвящу нѣсколько строкъ для биографической замѣтки о каждомъ изъ насъ.

*) Пять братьевъ Бестужевыхъ принадлежали къ числу образованѣйшихъ молодыхъ людей въ эпоху 14 декабря 1825 года. Двое старшихъ изъ нихъ были весьма извѣстными дѣятелями въ области литературы, третій—уже давній служака въ военной службѣ, — былъ необыкновенно любимъ товарищами и солдатами. Всѣ пятеро были сыновья статского совѣтника Александра Федосьевича Бестужева (р. 1762 † 1810 г.), издававшаго въ 1798 году «Санктпетербургскій журналъ» и составившаго нѣсколько книгъ по части воспитанія. Сыновья его: Николай род. 13 апрѣля 1791 г. ум. 15 мая 1855 г. въ Саленгинскѣ; Александръ (Марлинскій) род. 23 октября 1797 г. уб. на Кавказѣ 7 июля 1837 г.; Михаиль — род. 22 сентября 1800 г.; Пётръ род. въ 1806 г. ум. 1840 г. и Павелъ род. въ 1808 г., ум. 1846 г.

Ред.

Старший братъ Николай, послѣднее время своей службы въ Кронштадтѣ, жилъ вмѣстѣ со мною и младшимъ братомъ Петромъ на казенной квартирѣ, въ домѣ, который впослѣдствіи передѣланъ для главнаго командира кронштадтскаго порта. Рядомъ съ нами занималъ комнату капитанъ-лейтенантъ Павелъ Асанасьевичъ Дохтуровъ, а надъ нами была квартира Екатерины Петровны Абросимовой, вдовы штурманскаго офицера. Я упоминаю объ этихъ личностяхъ потому, что первый игралъ неза-видную роль при арестованіи брата Николая на квартирѣ второй личности, т.-е. Абросимовой. Около этого времени генераль Леонтий Васильевичъ Спафарьевъ предложилъ брату принять должность помощника его, какъ директора всѣхъ маяковъ въ Финскомъ заливе. Братъ изъявилъ согласіе и долженъ былъ перѣѣхать въ Петербургъ. Тутъ онъ поселился вмѣстѣ съ матушкой и сестрами, где и проживалъ до 14 декабря 1825 года. Домъ, въ которомъ жилъ братъ, находился въ 7-й линіи Васильев. острова и принадлежалъ купцу Гурьеву. Изъ оконъ дома слѣва видна была церковь Андрея Первозваннаго, а напротивъ лабазъ Андреевскаго рынка. Наскучивъ возвиться съ устройствомъ маячныхъ лампъ, рефлекторовъ, машинъ для вертящихся огней маяковъ, а главное со взбалмашнымъ своимъ начальникомъ, братъ Николай бросилъ эту должность и поступилъ историографомъ русскаго флота и начальникомъ морскаго музея, находившагося въ Адмиралтействѣ. Тутъ открылось обширное поприще для его умственной и технической дѣятельности и, надо сказать, что требовалось много энергіи и силы воли, чтобы начать съ пользою дѣйствовать въ томъ хаосѣ, какой царилъ въ архивахъ и модельныхъ залахъ. Въ грудахъ, покрытыхъ пылью и плесенью, лежали драгоценныя манускрипты; въ тетрадяхъ, спи-тыхъ на живую нитку автографовъ Петра Великаго и его сподвижниковъ, не доставало многихъ листовъ, они были вырѣзаны, а чаще просто выдранны; въ залахъ моделей, между дорогими и замѣчательными по отдѣлкѣ моделями, находились какіе-то кораблики-игрушки и предметы совершенно чужды флоту. Все это составлено, свалено, скомкано безъ всякаго толку. Двѣнадцать человѣкъ мастеровыхъ занимались болѣе дѣланіемъ сундучковъ и баулчиковъ, чѣмъ моделями. Можно себѣ представить, какъ много и безполезно было потеряно времени для чер-

ной работы—приведенія всего этого въ порядокъ, тогда какъ братъ обязанъ былъ, по званію исторіографа, представить на судъ общества результаты своихъ историческихъ изслѣдованій. И я былъ свидѣтелемъ его моральной пытки, когда онъ нѣсколько разъ, исписавъ много листовъ, съ досадой рвалъ ихъ или по недостатку потерянныхъ фактovъ, или послѣ находки новыхъ, измѣнившихъ сущность написанного имъ.

Онъ увидѣлъ себя въ безвыходномъ положеніи. — Ему оставался единственный выходъ, привести въ совершенный порядокъ хаосъ архива, и онъ принялъ за этотъ подвигъ Геркулеса, очистившаго конюшни царя Авгей отъ навоза со всей энергіей безотраднаго положенія. Брать Николай буквально проводилъ цѣлые дни въ пыльной атмосферѣ архива, и выходилъ подышать свѣжимъ воздухомъ, или въ модельную залу, гдѣ водворялся порядокъ систематическою разстановкою въ хронологическомъ порядке моделей, или въ мастерскую, гдѣ пополнялись пробѣлы въ моделяхъ мастеровыми, требовавшими его указаній.

По временамъ я встречалъ брата Николая у Рыльева, на обычныхъ «русскихъ завтракахъ», которые были постоянно около второго или третьего часа пополудни и на которые, обыкновенно, собирались многіе литераторы и члены нашего общества. Завтракъ неизмѣнно состоялъ: изъ графина очищенного русскаго вина, нѣсколькихъ кочней кислой капусты и ржаного хлѣба.— Да не покажется страннымъ такая спартанская обстановка завтрака, ежели взять въ соображеніе, во-первыхъ: потребность натуры моего брата Александра, требовавшей кислой пищи, на лишеніе коей такъ часто жаловался онъ на Кавказѣ, а во-вторыхъ, что эта потребность гармонировала со всегдашнею наложенностью Рыльева— налагать печать русицизма на свою жизнь.

Братъ Александръ, по обязанности адъютанта герцога Виртембергскаго, каждое утро долженъ былъ являться къ нему, а черезъ день оставаться тамъ до вечера по обязанности дежурнаго адъютанта.— Жилъ онъ съ Рыльевымъ въ домѣ занимаемомъ директоромъ американской компаніи, Прокофьевымъ, на Мойке, не далеко отъ Синяго моста.

Иногда герцогъ увольнялъ его отъ своихъ обѣдовъ и тогда онъ спѣшилъ на свои любимые «русскіе завтраки».— Я тоже очень любилъ эти завтраки и, какъ только была возможность отъ

убийственной шагистики, поглощавшей все мое утро до вечера, я спѣшилъ отдохнуть тамъ душою и сердцемъ въ дружной семье литераторовъ и поэтовъ.

Особенно врѣзался у меня въ памяти одинъ изъ этихъ завтраковъ, на которомъ, въ числѣ многихъ писателей, были: баронъ Дельвигъ, Ф. Глинка, Гнѣдичъ, Грибоѣдовъ и другіе. Тутъ же присутствовалъ братъ А. Пушкина, Левъ, котораго братъ Александръ, въ насмѣшку, называлъ «Блѣвъ», намекая на его неумѣренное употребленіе бахусовой влаги. — Помню, что онъ говорилъ наизусть много стиховъ своего брата, еще не напечатанныхъ: прочиталъ превосходный разговоръ Тани съ языкою, приведшій въ восторгъ слушателей.

Помню, какъ тутъ же братъ Александръ и Рыльевъ прошли Льва Пушкина передать брату: не согласится ли онъ продать имъ каждый стихъ этого эпизода по пяти рублей для предполагаемой «Полярной Звѣздочки», что впослѣдствіи и было утверждено съ согласія Пушкина.

Помню, какъ зашла рѣчь о Жуковскомъ и какъ многие жалѣли, что лавры на его челе начинаютъ блекнуть въ тлетворной атмосферѣ; какъ отъ сожалѣнія непримѣтно перешли къ шуткамъ на его счетъ.—Ходя взадъ и впередъ съ сигарами, закусывая пластовой капустой, то тамъ, то сямъ, вырывались стихи съ оттѣнками эпиграммы или сарказма, и наконецъ братъ Александръ, при шумѣ возгласовъ и хохота, редактировалъ известную эпиграмму, приписанную впослѣдствіи А. Пушкину:

Изъ савана одѣлся онъ въ лиvreю,
На пудру промѣнялъ свой лавровый вѣнецъ;
Съ узкой втерся во дворецъ,
И тамъ, предъ знатными сгибая шею,
Онъ руку жметъ камерь-лакею...
Бѣдный пѣвецъ!...

Братъ Петръ былъ нрава крѣваго, флегматического и любилъ до страсти чтеніе серьезныхъ сочиненій; постоянно молчаливый, онъ былъ краснорѣчивъ, когда удавалось его разшевелить, и тогда говорилъ сжато, красно и логично.

Онъ былъ адъютантомъ главнаго командаира кронштадтскаго порта вице-адмирала Федора Васильевича Моллера, и жилъ до послѣдняго времени на квартирѣ, которую занималъ братъ Николай.

Въ послѣднее время мы съ нимъ рѣдко видались.—Обязанности по службѣ, и отсутствіе матушки и сестеръ въ Петербургѣ были тому причиною.

За пять дней до 14 декабря онъ приѣхалъ въ Петербургъ, сопровождая жену Михаила Гавриловича Степоваго — Любовь Ивановну, и уѣхалъ обратно въ Кронштадтъ, по нашему насто-янію, за день до рокового дна.

Каково же было мое удивленіе, когда 13 декабря, бывъ на совѣщаніи у Рылѣева, я, забѣжавъ навѣстить Ореста Сомова, больнаго и жившаго въ одномъ домѣ съ Рылѣевымъ, — неожи-данно увидѣлъ брата Петра у него; онъ бросился ко мнѣ на шею и умолялъ не говорить о своемъ возвращеніи старшимъ братьямъ: «Они меня заставлять снова уѣхать, — говорилъ онъ изволнованіемъ голосомъ:—а я буду лишь завидной участіи раздѣлять опасность вашего славнаго предпріятія».—Что было дѣлать? Я согласился молчать,—и онъ явился на площади, толь-ко что я привезъ Московскій полѣтъ.

Осужденный служить на Кавказѣ солдатомъ, братъ Петръ подъ ранцемъ провелъ всю персидскую и турецкую кампаниі, былъ ра-ненъ въ лѣвую руку при штурмѣ Ахалцыха и потомъ сошелъ съума въ одной изъ кавказскихъ крѣпостей, попавъ подъ на-чальство начальника этого укрѣпленія—непроходимаго бурбона, т.-е. офицера изъ низкихъ чиновъ. Это вотъ какъ случилось. Генералъ Раевскій, бывшій членъ тайного общества и проще-ный за чистосердечное раскаяніе, проживая, какъ начальникъ отряда, въ Тифлісѣ, — наполнилъ свой штабъ большою частію изъ декабристовъ и ссыльныхъ офицеровъ.—Прочихъ, не быв-шихъ въ его штабѣ—онъ ласково принималъ въ своею домѣ. Отставной флотскій офицеръ фонъ-Д***, мужъ премиленой жены своей, воспитанницы смольнаго монастыря и подружки одной изъ моихъ сестеръ, вышедшей съ нею въ тотъ же годъ, при-ревновалъ брата моего Александра и, вмѣсто того, чтобы разсчи-таться съ братомъ, наговорилъ матушкѣ при выходѣ изъ церк-ви дерзостей.—Братъ вызвалъ его на дуэль—онъ отказался.

Рылѣевъ встрѣтилъ фонъ-Д*** случайно на улицѣ, и въ отвѣтъ на его дерзости исхлесталъ его хлыстомъ, бывшимъ въ его рукѣ.

Этотъ-то субъектъ былъ назначенъ на Кавказъ какъ чинов-
«РУССКАЯ СТАРИНА», ИДАНИЕ ВТОРОЕ, 1870. т. I.

никъ-провіантмейстеръ и какъ-то попавъ на вечеръ къ Раевскому, увидѣлъ себя посреди декабристовъ.—Въ паническомъ страхѣ за свою жизнь онъ на другой же день уѣхалъ, безъ разрѣшенія, въ Петербургъ, а тамъ, чтобы какъ-нибудь оправдать свое безразсудство, подалъ доносъ, въ которомъ представлялъ Раевскаго какъ измѣнника.

Раевскому былъ присланъ строжайшій выговоръ, а главно-командующему на Кавказѣ приказъ: разослать всѣхъ окружающихъ Раевскаго и находящихся въ Тифлисѣ декабристовъ — по разнымъ крѣпостямъ съ тѣмъ, чтобы ихъ подвергнуть гарнизонной службѣ.

Несчастная судьба Петра бросила его въ лапы одного изъ тѣхъ животныхъ, которые носятъ название «бурбоновъ».—Держа его въ кавказскіе жары, въ полной амуниції, подъ ружьемъ въ раненой рукѣ, онъ его въ три мѣсяца доконалъ. Всѣ усилия братьевъ Александра и Павла возвратить разсудокъ Петру — остались тщетны. Наконецъ его прислали къ матушкѣ въ деревню въ окончательномъ сумасшествіи, которымъ онъ мучилъ и мать и сестеръ цѣлую семью лѣтъ. Болѣзнь доросла до ужасающихъ симптомовъ. Опасеніе за его, за собственную ихъ жизнь, опасеніе сгорѣть въ пожарѣ дома, что повторялось нѣсколько разъ, заставило мать обратиться съ просьбою къ начальнику штаба жандармовъ Бенкендорфу, съ покорнейшею просьбою: помѣстить брата Петра въ заведеніе умалишенныхъ герцога, бывшее на 11-й верстѣ отъ столицы по петергофской дорогѣ. Но Бенкендорфъ рѣшилъ «въ просьбѣ отказать, такъ какъ это заведеніе очень близко отъ столицы».— Впослѣдствіи однако дано было позволеніе матери помѣстить брата Петра въ это заведеніе.—Онъ былъ тамъ помѣщенъ и черезъ три мѣсяца умеръ.

Братъ Павелъ воспитывался въ артиллерійскомъ училищѣ. Въ послѣднее время онъ былъ въ офицерскомъ классѣ и готовился, по выдержаніи экзамена, поступить въ гвардейскую конную артиллерію. На другой день 14 декабря великий князь Михаилъ Павловичъ во время параднаго выхода обнялъ его, поцѣловалъ и сказалъ: «Для меня — ты не братъ бунтовщиковъ.—Я тебя знаю, какъ хорошаго офицера и постараюсь забыть, что ты называешься Бестужевымъ».

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя великий князь Михаилъ Павловичъ, пробѣгая по офицерскимъ дортуарамъ, увидѣлъ развернутую книгу на одномъ изъ столиковъ, помѣщавшихся между двумя кроватями.—Онъ беретъ книгу—то была «Полярная Звѣзда». Смотрѣть, на чѣмъ она была развернута—это была «Исповѣдь Наливайки»—извѣстное стихотвореніе Рыльева.

— «Кто здѣсь спитъ?» спросилъ великий князь, указавъ на одну изъ кроватей.

— «Бестужевъ, ваше высочество!»—отвѣчали ему.

— «Арестовать его!»

Началось новое слѣдствіе, и Павелъ Бестужевъ былъ отправленъ на службу на Кавказъ, гдѣ онъ храбро вѣль себя въ обѣихъ кампаніяхъ, персидской и турецкой, затѣмъ вышелъ въ отставку съ анненскимъ крестомъ за изобрѣтеніе прицѣла къ пушкамъ, который введенъ былъ во всей артиллеріи подъ названіемъ: «Бестужевскаго прицѣла».

Въ Петербургѣ в. к. Михаилъ Павловичъ предложилъ брату, чрезъ Ростовцева, должность старшаго адъютанта при глав. управ. воен. учеб. заведеній.—Братъ принялъ предложеніе, прослушалъ тамъ года три, и снова вышелъ въ отставку; поѣхалъ въ Москву и тамъ женился на богатой наслѣдницѣ, единственной дочери владимирскаго помѣщика Евграфа Васильевича Т-ва, — старосвѣтскаго русскаго барина съ замашками аристократа и со страстью къ рифмоштетству, похожею на Хвостовскую. Къ недугамъ, приобрѣтеннымъ Павломъ Бестужевымъ на Кавказѣ, присоединились тяжелые труды по устройству разстроеннаго имѣнія—онъ заболѣлъ и умеръ шесть недѣль спустя послѣ смерти матушки, послѣдовавшей 27 октября 1846 г. и скончивъ до своей кончины единственнаго своего сына Александра.

Отецъ его жены умеръ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ, а жена его чрезъ три или четыре года вышла замужъ за артиллерійскаго офицера Мыльникова, имѣла отъ него трехъ малютокъ и вскорѣ умерла.

Теперь очередь дошла до меня.

Видя во очію совершившееся систематическое разрушеніе нашего флота подъ управлениемъ французскаго министра (маркиза де-Траверсе), а потомъ нѣмецкаго (Антона Васильевича Моллера)

и будучи лично оскорбленье воплющею несправедливостію въ дѣлѣ проекта К. П. Торсона о преобразованіи флота *), я невольно проникся чувствомъ недовольства морскою службою, и заглушивъ мою страсть къ морю, искалъ случая скрыть свою голову, гдѣ бы то ни было. Дѣла тайного общества близились къ окончательнымъ результатамъ. Брать Александръ, которому я исповѣдалъ состояніе моей души, предложилъ мнѣ перейти на службу въ гвардію, объяснивъ мнѣ, что мое присутствіе въ полкахъ гвардіи можетъ быть будеъ полезно для дѣла тайного общества—я согласился.—Онъ, будучи въ дружескихъ отношеніяхъ съ Ильею Гавриловичемъ Бибиковымъ, членомъ нашего общества, адъютантомъ великаго князя Михаила Павловича, который его уважалъ и любилъ, взялся за переводъ.—Великій князь, цѣнія его ходатайство, захотѣлъ озnamеновать свое къ нему расположение особенною милостію, и перевелъ меня въ лейбъ-гвардію Московскій полкъ, коего онъ былъ шефомъ.—Приказъ о переводѣ былъ полученъ мною наканунѣ представлениія въ Кронштадтѣ комедіи Коцебу: «Пажескія шутки», въ которой роль колченогаго солдата игралъ я. Читатель вправѣ спросить меня: какои это театръ? Этотъ театръ былъ устроенъ и управляемъ братомъ Петромъ и въ шутку былъ названъ Петрозаводскимъ. Онъ, слѣдя за примѣромъ брата Николая, устроившаго, во время его кронштадтской службы, прекрасный театръ, гдѣ онъ былъ и директоръ, и костюмёръ, и режиссръ, и главный актеръ, и за примѣромъ вашего покорнѣйшаго слуги—устроившаго точно на тѣхъ же условіяхъ театръ въ Архангельскѣ,—брать Петръ Александровичъ аранжировалъ премиленѣй театръ и представлениія шли съ блестящимъ успѣхомъ.—Онъ, зная мои сценические таланты, упросилъ взять вышеупомянутую роль, и когда комедія выдержала всѣ репетиціи и была назначена къ представлению,—я долженъ былъ Ѳхать въ Петербургъ.—Всѣмъ, включая и себя—намъ было крайне это непріятно, но что жъ дѣлать?... Я написалъ ко всему лицу актеровъ слѣдующую эпистолу: «Съ приискорбіемъ извѣщая о постигшей кончинѣ моего сценическаго поприща по случаю перевода моего въ гвардію,—прощу почтить

*) См. нашу статью «Николай Александровичъ Бестужевъ» въ журн. «Заря». 1869 г. кн. VII.
Ред.

послѣднія минуты моего отъѣзда и съ бокаломъ въ рукѣ пожелать мнѣ на томъ свѣтѣ быть столь-же счастливымъ, какъ я былъ съ вами на этомъ».

Въ полку меня встрѣтили непріязненно всѣ тѣ, котрымъ я, какъ первый поручикъ, сѣлъ на голову; за то со старшими я жилъ въ ладахъ, сблизившись съ ними у Александра П. Корнилова задолго до моего перевода. — Захвативъ сильную простуду на ученьѣ въ манежѣ, — я перебѣхалъ отъ матушки къ Рыльеву и брату Александру, и тамъ проболѣлъ мѣсяца четыре.

Въ пароксизмахъ лихорадки мнѣ, какъ въ калейдоскопѣ, являлись и исчезали лица литераторовъ и поэтовъ, по одиночкѣ и группами, говорящихъ, смѣющихся, спорящихъ или читающихъ стихи или прозу, какъ это обыкновенно происходило на «русскихъ завтракахъ» Рыльева или за вечернимъ чаемъ. О политикѣ рѣдко заходила рѣчь; о дѣлахъ тайного общества—никогда. Объ этомъ предметѣ мы толковали поздними вечерами, когда оставались только члены нашего общества.

По принятіи мною роты отъ капитана Мартынова, я долженъ былъ перебѣхать на казенную квартиру въ московскія казармы, гдѣ и оставался до 14 декабря.

Въ началѣ съ ротою мнѣ было не мало хлопотъ. Мой предмѣстникъ,—славный фрунтовикъ и до костей пропитанный тогдашнею системою командованія,—былъ жестокъ съ солдатами и даже на ученіи ихъ билъ шомполами. Желая поставить роту на иныхъ принципахъ, я съ первого же дня уничтожилъ употребленіе не только шомполовъ, но даже палокъ и розогъ. Солдаты первоначально меня не поняли и приняли мое гуманное съ ними обращеніе за слабость. Но, слава Богу, послѣ нѣсколькихъ случаевъ недоумѣнія, все обошлось, какъ нельзя къ лучшему, я заслужилъ ихъ любовь и довѣренность. Судились и наказывались они своимъ судомъ, и въ штрафную книгу ни одного солдата не было записано, — такъ что я даже заслужилъ строгій выговоръ за потворство къ подчиненнымъ *).

*) Такое обращеніе М. А. Бестужева, какъ онъ дагѣе самъ говорить, было вызвано не одною гуманностью, но и тайными цѣлями, которыхъ преслѣдовало то общество, дѣятельнымъ членомъ которого онъ былъ. Привязанностью, которую Бестужевъ возбудилъ въ солдатахъ, объясняется, какъ

II.

Стена азбука.

1826 г.

...Какъ подстрѣленный соколь изъ поднебесья упавъ на землю — я сталъ озираться. Угаръ экзальтациі началь испаряться и прозаическая дѣйствительность, волею или неволею, начала вступать въ свои права — я началъ осматривать свой гробъ... Моя тюрьма въ Алексѣевскомъ равелинѣ, Петропавлов. крѣпости восемь шаговъ длины и шесть шириною. Большое окно за толстою рѣшеткою изъ толстыхъ полосъ желѣза — было сплошь замазано известью, и ко мнѣ проникалъ какой-то таинственный полумракъ. Противъ окна дверь въ коридоръ, гдѣ ходилъ безотвѣтный часовой, обутый въ мягкія туфли, чтобы его шаги были неслышны, и чтобы онъ могъ, незамѣтно для слуха узника, подойти къ двери и наблюдать каждое его движеніе въ четыреугольное отверстіе, прорѣзанное въ двери и закрытое темнаго цвѣта занавѣскою. Направо отъ входа деревянная кровать съ матрасомъ, покрытымъ простынею изъ грубаго холста, съ периною подушкою и одѣяломъ изъ сѣраго солдатскаго сунна. Подиѣ кровати деревянный столъ и такой же табуретъ. Печь выходила угломъ въ комнату, напротивъ отъ входа. Стѣны, выбѣленныя известью, были всѣ исчерчены надписями, іероглифами, силуэтами и прочими досужими занятіями живыхъ мертведовъ.

Осторожность тюремщиковъ тщательно ихъ соскабливалась, и нельзя было не пожалѣть объ этомъ. Какую-бы хронику можно было прочитать въ сжатыхъ фразахъ, въ рисункахъ заключенныхъ! Какое-бы назидательное занятіе, какой урокъ терпѣнія могъ-бы почертить нововступившій арестантъ, читая на стѣнахъ ихъ свою будущую участіе! Я старался разбирать нѣкоторыя, частію уцѣлѣвшія отъ скрибки — читалъ, рассматривалъ съ настойчивостью человека, у котораго такъ много часовъ, давящихъ душу его, какъ свинецъ. Но, увы!... все напрасно... У нѣ-

кимъ образомъ могъ онъ, черезъ преданныхъ ему душою солдатъ, приготовить полкъ къ мятежу, когда ни одинъ изъ ротныхъ офицеровъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, какъ то положительно свидѣтельствуетъ самъ М. А. Бестужевъ въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ: не были членами тайного общества и когда солдаты всѣхъ полковъ были подъ самымъ бдительнымъ надзоромъ высшаго начальства.

Ред.

которыхъ фразъ уцѣлѣли только нѣсколько начальныхъ буквъ, у другихъ обратно, у иныхъ уцѣлѣли среднія буквы. Силуэты и портреты, по большей части женскіе и два изображенія старика, были видимо пощажены. Но сколько любви, сколько потерянаго счастья можно было прочитать въ ихъ изображеніи!! Подъ однимъ портретомъ молодой дѣвушки, дышащимъ какой-то неземною любовью—я долго старался разобрать по уцѣлѣвшимъ буквамъ четверостишие, и наконецъ іероглифъ понялъ такъ:

«Ты на землѣ была мой Богъ,
«Но ты ужъ въ вѣчность перешла,
«Молись же тамъ...
«Чтобы тамъ тебя увидѣть могъ.

Подъ мужскимъ портретомъ я разбралъ: «Братъ, я рѣшился на самоубійство». Около портрета молодой женщины я съ трудомъ прочиталъ: «Прощай маман на вѣки». Подъ гнетомъ грустныхъ впечатлѣній, я дико бродилъ по моей комнатѣ, осматривая каждый ничтожный предметъ, прислушиваясь къ каждому звуку. Слухъ изострился отъ постояннаго напряженія до невѣроятной чуткости. Я даже могъ сосчитать неслышные шаги часоваго отъ моего № до конца коридора. Я сосчиталъ двадцать восемь шаговъ. Значить отъ моего № вправо, вычитая по два шага на толстоту стѣнъ, было еще три нумера. Впослѣдствіи, когда насъ водили въ судъ или при наступившей веснѣ въ садъ, я насчиталъ отъ моего № вправо до выхода еще 16 №№, слѣдовательно всѣхъ №№ было съ моимъ 20. Гуляя въ саду я замѣтилъ, что выходъ въ садъ, соотвѣтствующій входу въ тюремное зданіе Алексѣевскаго равелина, находился посрединѣ фаса одной изъ сторонъ треугольника, внутри котораго и было разведенъ маленький нашъ садикъ, и что другая половина фаса, на лѣво отъ входа, была занята кухнею и помѣщеніемъ команды, оберегавшей арестантовъ. Это я заключилъ по дыму изъ трубъ лѣтомъ, когда печки у насъ уже не топились и по людскому говору, чего не было слышно въ нашихъ могилахъ.

«Я дико по тюремѣ бродилъ,
«Но въ ней какой-то холодъ былъ;
«И вѣяль отъ стѣны сырой,
«Какой-то холодъ гробовой.

Толстый желѣзный прутъ наручниковъ сжималъ мои руки. Гробовая тишина давила мою душу... Я захотѣлъ узнать: есть-

ли хоть живая душа въ моемъ сосѣдствѣ. Началъ стучать же-лѣзами въ одну изъ стѣнъ... — нѣтъ отвѣта... Въ другую... — мнѣ отвѣтили едва слышными звуками слабаго стука. «А что, если мой братъ въ сосѣдствѣ?», подумалъ я, и засвисталъ мотивъ арии, извѣстный только моему брату Николаю*). Слышу, онъ повторяетъ этотъ мотивъ. Явившійся ефрейторъ объявилъ мнѣ, что если я впередъ повторю такую выходку, то меня посадятъ въ особое совершенно помѣщеніе. Я извинился незнаніемъ тюремнаго по-рядка и далъ обѣщаніе себѣ — не злоупотреблять ихъ терпѣ-ніемъ.

Въ промежутокъ между совершенной тьмою и тѣмъ време-немъ, когда вносили ночникъ въ мой №, я садился въ уголь и тихо стучалъ пальцами въ стѣну. Въ отвѣтъ на мой стукъ я получалъ такой-же отвѣтъ, отъ моего брата. Каждый день начинался взаимнымъ стукомъ полнаго похода, что означало: «здрав-ствуй, здоровъ ли?» Когда же надлежало прекратить стукъ, мы били отбой.

Такъ прошло нѣсколько дней, томительно скучныхъ дней, ложившихся свинцовыемъ бременемъ на мою душу, тѣмъ болѣе, что меня ужъ начали допрашивать.

«Какъ бы хорошо, думалъ я, если бы можно было говорить черезъ стѣну съ братомъ». Эта мысль глубоко запала въ мою душу и я началъ обдумывать способъ сообщенія. Каждыя сумерки я употреблялъ на стучаніе въ стѣну ногтями азбуки по порядку буквъ, но братъ меня не понималъ. Онъ отвѣчалъ какимъ-то продолжительнымъ стукомъ по длины стѣны, останавливаясь постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ. Въ свою очередь, я тутъ вовсе ничего не могъ понять...

Каждое утро приносили мнѣ снадобье для умыванія, об-радъ весьма не сложный въ обыденной жизни, но въ моемъ по-ложеніи онъ былъ довольно затруднителенъ. Вообразите человѣ-ка, котораго руки разъединены толстымъ желѣзнымъ болтомъ. Мнѣ уже нельзя было сказать: рука руку моетъ; мнѣ пооче-редно долженъ быть мыть ихъ прислужникъ, и потому я одною руково мыть лицо. Однажды умывальный приборъ внесъ ко

*) Николай Александровичъ Бестужевъ род. 1791, † 15 мая 1855 г. въ г. Селенгинскѣ.

Ред.

и нѣ низенький солдатикъ, съ выраженіемъ на лицѣ неизъяснимой доброты. По обыкновенію я поставилъ табуретъ противъ двери, а онъ поставилъ на него большую муравленую чашку, взялъ со стола оловянную кружку съ водою, назначенню мнѣ съ вускомъ чернаго хлѣба для пищи и, снимая съ плечъ тихо-вый мой халятъ, наброшенный въ накидку, тихонько посовѣтовалъ мнѣ поставить табуретъ у печки, говоря, что тамъ будетъ теплѣе. Не понимая степени его участія, я приставилъ табуретъ къ печкѣ, онъ передвинулъ его въ уголъ, куда взоръ часового не могъ достигнуть, потому что уголъ выходящей печки заслоняла насть совершенно.

— Посмотрите на себя, на что вы похожи, ваше высоко-благородіе, началъ онъ едва слышаннымъ шепотомъ, намыливая мнѣ лѣвшую руку.—«Вамъ скучно... Попросите книгу»...

«Да развѣ можно?

— Другіе читаютъ, почему-жъ вамъ не можно?...

«Кто подлѣ меня сидѣть?»... рѣшился я спросить его.

— Бестужевъ, отвѣчаль онъ.

«А подлѣ него и далѣе?

— Одоевскій и Рыльевъ.

«Не можешь ли ты отнести записки къ брату?

— Пожалуй, можно. Но за это нашего брата гоняютъ сквозь строй...

Я содрогнулся своей преступной мысли... Что за безцѣнныи русскій народъ!... Я готовъ былъ упасть на колѣни предъ однимъ изъ ничтожныхъ существъ русскаго доброго элемента. Изъ записокъ Сильвіо Пелико, я зналъ, какъ тюремщикъ, простодушный австріецъ, нѣжный отецъ семейства, не хотѣлъ принять срочной работы шерстяного чулка безъ нѣсколькихъ недовязанныхъ рядовъ и на замѣчаніе Сильвіо Пелико, что онъ можетъ ослѣпнуть, если его заставятъ довязывать чулокъ въ потемкахъ, тотъ со слезами на глазахъ, вздыхая возражалъ: «Да!... это очень можетъ случиться, но вы должны исполнять заданный урокъ... а я—свою обязанность...» Я не рѣшился воспользоваться добротою, безкорыстною въ полномъ смыслѣ, потому что яничѣмъ не могъ заплатить солдатику за услугу, когда онъ рисковалъ, можетъ быть, жизнью. Когда привезли поляковъ—они его не пощадили... Пойманній—онъ былъ наказанъ и умеръ подъ палками.

На другой день, послѣ нашего таинственного разговора съ солдатикомъ, при обычномъ утреннемъ посѣщеніи начальника нашей тюрьмы майора Лилісъянкера, высокаго, сухого, сѣдовласаго, одѣтаго всегда въ форменный сюртукъ съ краснымъ воротникомъ и въ сопровожденіи начальника тюремной стражи — я обратился съ просьбою къ первому и просилъ какой-нибудь книжки для чтенія.

«Я доложу-сь...» былъ отвѣтъ. Даже этотъ лаконическій отвѣтъ меня удивилъ, послѣ того, какъ на всѣ мои вопросы и просьбы я постоянно получалъ отвѣтъ: «не знаю-сь...» а отъ тюремщиковъ-солдатъ: «не могу знать...» Иногда, чтобы испытать степень ихъ скромности, я спрашивалъ при ясномъ сіяніи солнца:

«Что, ясно или сумрачно на дворѣ?»

— Не могу знать, былъ постоянный ихъ отвѣтъ.

Черезъ три дня мнѣ принесли для чтенія IX-й томъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина. Странная случайность!... Почему именно IX-й томъ попалъ ко мнѣ? Хотя мнѣ очень хорошо была известна эпоха звѣрского царствованія Иоанна, но я предался чтенію съ какимъ-то лихорадочнымъ чувствомъ любопытства. Было-ли удовольствіе — вкусить духовную пищу послѣ томительной голодовки, — не знаю... Но я читалъ... перечитывалъ — и читалъ снова каждую страницу.

— Какъ твоё имя? спросилъ я однажды моего доброго солдатика, когда онъ подавалъ мнѣ мыться въ углу за печкою.

— Зачѣмъ, ваше высокоблагородіе, вамъ знать мое имя. Я человѣкъ мертвый!...

Кто была благодѣтельная фея узниковъ, снабжающая насъ книгами — я узналъ уже только въ Читѣ, когда привезенъ былъ къ намъ въ читинскій острогъ Корниловичъ *). Онъ, съ особенно ему свойственнымъ комизмомъ, повѣдалъ намъ, какъ одна пожилая уже дѣвушка, дочь прапорщика II — на воспыала къ не-

*) Штабсъ-капитанъ генерального штаба Корниловичъ былъ человѣкъ весьма образованный и (мы не касаемся его политическихъ увлеченій, приведшихъ его сначала въ Сибирь, а потомъ солдатомъ на Кавказъ), — отличался прямотою и благородствомъ. Достойно замѣчанія, что Корниловичъ страстью любилъ отечественную исторію и кроме многихъ статей, разсѣянныхъ имъ въ журналахъ двадцатыхъ годовъ, издалъ исторический сборникъ, въ форматѣ тогдашнихъ

му неугасимымъ пламенемъ любви, увидавъ его въ первый разъ у окна его тюрьмы, кажется Невской куртины. Входъ въ квартиру плацъ-майора былъ подлъ его окна и она, изыскивая тысячи слушаевъ его видѣть, услаждала горесть его заключенія серенадами, сопровождаемыми звуками гитары, какъ напримѣръ, изъ извѣстнаго водевиля:

«Онъ сидя въ башнѣ за стѣнами,
Лишень тамъ бѣдненькой всего.
Жалѣть бы стали вы и сами,
Когдѣ увидѣли его....»

Наконецъ—рѣшилась писать къ нему. Корниловичъ, жалуясь на скучу: просилъ прислать книгу.

Какія могутъ быть книги у необразованной женщины?.. Чтобы по возможности удовлетворить желаніе своего любезнаго, какъ практическіи умная женщина, она нашла вѣрную дорогу: она обратилась къ роднымъ осужденныхъ—облегчить ихъ участъ присылкою книгъ для чтенія, которая лучше всѣхъ конфектъ и булокъ могутъ облегчить тяжесть заключенія ихъ родственниковъ. Пожертвованія не замедлили завалить всѣ ея комнаты обширною библіотекою. Чтобы замаскировать свою слабость къ единственному предмету, для котораго она все это дѣлала, она заставила отца выпросить позволеніе разсыпать книги и для другихъ. И вотъ прозаическій результатъ большей части міровыхъ событій!.. Сантиментальная страсть пожилой девушки предотвратила можетъ быть нѣсколько положительныхъ умовъ отъ сумасшествія въ тюремной жизни.

А между тѣмъ дни за днями тянулись безконечною канинелью; мое сумеречное стучаніе азбуки сопровождалось тѣмъ же непонятнымъ отвѣтомъ брата, и я приходилъ въ отчаяніе. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, меня внезапно посѣтила свѣтлая мысль: «не отъ того-ли братъ меня не понимаетъ, что стукъ азбуки, единообразнымъ стукомъ по порядку буквъ—причинаю его недоразумѣнія?... Соображая затрудненія изъясняться посред-

альманаховъ, подъ названіемъ: «Русская Старина», Спб. 1824 г. Этотъ сборникъ, посвященный старинѣ недавней, а именно XVII и XVIII вв., столь сочувственъ былъ принять публикой, что въ короткое время выдержалъ два изданія. Корниловичъ умеръ отъ дѣйствія непривычнаго для него климата на Кавказѣ около 1835 года—послѣ нѣсколькихъ экспедицій, въ которыхъ онъ принималъ участіе въ качествѣ простого солдата.

Ред.

ствомъ такой азбуки, гдѣ, наприм., буква я должна стучаться 32 раза, я вскочилъ изъ своего завѣтнаго угла и, менѣе нежели въ полчаса, составилъ другую азбуку совершенно на новыхъ основаніяхъ.

Принимая въ соображеніе, что краткость есть основаніе сообщеній, я долженъ быть составить мою азбуку на основаніи кратковременности. Такъ какъ братъ мой былъ морякъ и потому долженъ быть знакомъ со звономъ часовъ на кораблѣ, гдѣ часы или склянки бываютъ двойнымъ, краткимъ звономъ, то я распредѣлилъ мою азбуку такъ:

	.	-	- -	- -	- - -		-	--	---	----
.	Б.	В.	Г.	Д.	Ж.		А.	Е.	И.	О.
. .	З.	К.	Л.	М.	Н.	—	У.	Ы.	Ю.	Я.
- .	И.	Р.	С.	Т.	Ф.					
- .	Х.	Ц.	Ч.	Ш.	Щ.					

Эти іероглифы я начертилъ обожженнымъ прутикомъ изъ вѣнка, случайно выпавшимъ, когда подметали мою комнату. Я ихъ начертилъ на одной изъ страницъ примѣчаній къ IX-му тому Росс. Исторіи Карамзина. Какъ любопытно было бы узнать, что могъ заключить собственникъ этой книги, когда она была ему возвращена, увидѣвъ эти непонятныя начертанія?.. Могъ ли онъ предполагать, что они заключаютъ въ себѣ источникъ неизреченныхъ, невыразимыхъ наслажденій, что это есть языкъ, которымъ говорили узники.

Чтобъ познакомить ближе съ моей азбукой, я долженъ обратить вниманіе преимущественно на то, что въ ней согласные буквы были явственно раздѣлены отъ гласныхъ особеннымъ стукомъ, что отличало ее отъ всѣхъ способовъ сообщенія другихъ нашихъ соузниковъ. Эта особенность давала возможность въ разговорѣ, ежели вы не дослушали двѣ, даже три согласные буквы, то ясный стукъ одной или двухъ гласныхъ буквъ давалъ вамъ возможность возстановить цѣлое слово, не требуя повтореній.

Кромъ того, всѣ согласныя буквы, доходившія до вашего слуха въ одномъ и томъ-же однообразномъ порядкѣ или, лучше сказать, въ одномъ и томъ же образѣ или видѣ двойныхъ учашенныхъ звуковъ не далѣе шестой цифры—но только предшествуемы однократнымъ или двукратнымъ стукомъ, не напрягали вашего вниманія считать число ударовъ. Вы безъ всякаго счета только слѣдили за двойными ударами, предшествуемыми тройнымъ ускореннымъ стукомъ. Такъ напримѣръ: въ утреннемъ нашемъ привѣтствіи: здорово, я стучалъ тройку скоро и по-томъ двойку, какъ бывутъ на кораблѣ двѣ скланки (---||) и это будетъ означать букву з. Потомъ двойку, двойку и одинъ разъ (||-||-||) это буква д. Потомъ четыре раздѣльные звука (----), т. е. букву о. Потомъ на концѣ, разслышавъ явственно в и о, хотя и пропустивъ средній слогъ,— мнѣ не трудно будетъ догадаться, что это слово: здорово. Практичность этой системы мы вполнѣ извѣдали въ Шлиссельбургѣ. Тамъ я, разъединенный съ братомъ Николаемъ шестью нумерами, могъ переговариваться съ нимъ, при растворенныхъ окнахъ черезъ весь дворъ, постукивая обожженюю палочкою въ желѣзную решетку. Когда случалось, что звуки согласныхъ буквъ поглощались или говоромъ часовыхъ или крикомъ птицъ—изловивъ двѣ, три гласныхъ, я легко восстановлялъ цѣлое слово и это тѣмъ легче, чѣмъ внимательнѣе слѣдишь за излагаемою мыслью.

Азбука брата Александра *), придуманная имъ для разговора съ сосѣдями, была составлена имъ тоже на основаніи сократить, по возможности, безконечное стучаніе буквъ. Тридцать буквъ онъ раздѣлилъ на три десятка, каждому десятку предшествовалъ свой опознательный стукъ. Недостатокъ его азбуки состоялъ именно въ томъ, что гласныя и согласныя стучались одинаково медлительнымъ стукомъ, который все-таки надо было считать, что утомляло и ухо и голову и гдѣ слушающій, безпрестанно смѣшивая гласныя съ согласными, заставлялъ повторять фразу, что было тяжелою пыткою для стучащаго.

Снова началась моя прежняя процедура неутомимаго стучанія, но только по новой моей методѣ, и снова я долженъ

*) Александръ Александровичъ Бестужевъ, извѣстный подъ псевдонимомъ Марлинскій, весьма даровитый писатель, род. въ 1797 году, убитъ въ дѣлѣ съ горцами на Кавказѣ 7 июля 1837 года.

Ред.

быть каждый день слышать разочарование моимъ надеждамъ. Какъ могъ не истощиться запасъ моего терпѣнія при такихъ неудачахъ—понять можетъ только тотъ, кто былъ погребенъ живо въ могилу, хочетъ достучаться человѣческаго сочувствія, хотя стучась головою въ стѣны своего гроба... И я наконецъ достучался до этого счастія.

Не помню хорошенко когда, но кажется на вербной недѣлѣ—я услышалъ мѣрные шаги моихъ приставовъ; дверь отворилась и предо мною представалъ сѣдовласый Лиліэнъянкеръ, въ сопровожденіи начальника стражи. Онъ вручилъ мнѣ письмо отъ матери, поклонился и вышелъ. Я слышалъ, какъ дверь брата Николая тоже отворилась и черезъ минуту они удалились. Слѣдовательно и брату передано такое же письмо. Я прочиталъ свое. Въ немъ мать слезно меня умоляетъ—вѣрить въ милосердіе начальства, которое будетъ соразмѣрно съ моимъ чистосердечнымъ признаніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—увѣдомляеть, что ей, а по ея смерть дочерямъ ея, назначено 500 р. ассиг. годовой пенсіи.

Въ эту минуту у меня блеснула счастливая мысль. Попытавшись въ послѣдній разъ дать знать моему брату, что я хочу объясняться съ нимъ черезъ стѣну, какъ наша мать объясняется съ нами черезъ бумагу. Я подошелъ къ стѣнѣ и началъ шаркать письмомъ, и услышалъ тоже отъ брата. Тогда я началъ стучать въ стѣну азбуку уже не пальцами, а болтомъ моихъ наручниковъ. Слышу, братъ отодвигаетъ свою кровать отъ стѣны и что-то чертитъ по ней, я повторилъ азбуку пальцами. Слышу, братъ записываетъ на стѣнѣ. Слава Богу—онъ понялъ въ чемъ дѣло!

Въ промежутки этой операции вошелъ ефрейторъ, который любопытствовалъ узнать причину моихъ неистовыхъ восторговъ. Я объяснилъ, что письмо матери меня совершенно свело съ ума и я въ восторгѣ самъ не зналъ, что дѣлалъ. Ефрейторъ замѣтилъ мнѣ, что чувства здѣсь не выражаются шумливо, и что ежели они другой разъ перейдутъ границы заведенного порядка, то мнѣ будетъ худо.—Я далъ обѣщаніе вести себя впередъ тише, и меня оставили....

Съ замираніемъ сердца снова сѣлъ я въ свой уголъ, когда наступили сумерки, и ожидалъ: что скажетъ братъ....

— Здорово!.. простучалъ онъ мнѣ.

«Здравствуй», отвѣчалъ я.

— «Здоровъ ли ты?»

«Здоровъ, но я закованъ въ желѣза!...»

— «Я плачу» — было отвѣтъ, и больше ничего....

Я блаженствовалъ. Я былъ счастливъ, вполнѣ увѣрившись, что подъ меня былъ точно мой братъ, котораго я такъ любилъ, съ которымъ теперь я могу говорить и увѣритъ его въ моихъ неизмѣнныхъ чувствахъ, однимъ словомъ — я находился въ положеніи ожившаго въ гробу мертвѣца, который, почувствъвъ вѣяныя атмосфернаго воздуха, хотѣть пожить еще настолько, — насколько дозволяетъ могила.

Наступила ночь....

Ни я, ни братъ глазъ не смыкали. Я — отъ невыразимо-пріятнаго волненія; братъ — отъ желанія поскорѣй освоиться съ азбукой. Едва началъ брезжить разсвѣтъ, какъ онъ уже довольно бойко простучалъ обычное привѣтствіе:

— Здорово!

— Ты получилъ письмо отъ матушки? спросилъ я.

— Получилъ.

— Увѣдомляеть она тебя о пенсії?

— Да!...

— Умоляеть объ искренности показаній?

— Да!...

— Ну, значитъ это дубликать съ моего.

Затѣмъ мы обмѣнялись нѣсколькими мыслями, о содержаніи полученнаго письма и сказали другъ другу кое-что о тѣхъ показаніяхъ, которыхъ давали на допросахъ.

Этотъ разговоръ, которой можно было бы прочитать въ полминуты, — длился у насъ почти до полудня, по причинѣ перерывовъ и безпрестанныхъ онасеній. Тѣмъ болѣе, что и братъ, выучившій наизусть азбуку, но не свыкшись достаточно со звуками, принужденъ былъ, — прерывая меня, — бѣгать вдоль стѣны, справляясь съ своимъ царашаньемъ.

Впослѣдствіи мы до того усовершенствовали нашу азбуку и такъ скоро и свободно говорили, что нашъ разговоръ немногимъ длиннѣе былъ изустнаго. Для доказательства я приведу примѣръ. Вопросные пункты намъ обыкновенно приносилъ Лілленланкеръ и спрашивалъ: «Сколько вамъ нужно листовъ для отвѣтствъ?» Я объявлялъ число листовъ по соображенію, и онъ

удался за письменнымъ приборомъ.—Тогда этого промежутка времени было довольно, чтобы сообщить брату кратко сущность вопроса и мой отвѣтъ. — Съ своей стороны онъ дѣлалъ также.

Правда, многое протекло скучно-томительныхъ дней, употребленныхъ нами на усовершенствование нашихъ сношений, на способы скорѣе передавать буквы, на знаки препинанія и предостереженія, на сигналы для вызова къ разговору и прочихъ измѣненій, какимъ подвергалась ежедневно наша азбука — и этимъ опытомъ мы обрекали себя, когда душа рвалась къ задушевой бесѣдѣ.

Къ числу главныхъ усовершенствованій нашей азбуки должно упомянуть нашу геройскую рѣшимость: выкинуть изъ согласныхъ 10 буквъ и изъ гласныхъ 4, такъ что азбука приняла слѣдующій видъ:

	-	- -	- -	- - -	- -	-	--	---	----
	В.	В.	Г.	Н.	М.	А.	И.	О.	У.
	Н.	Р.	С.	Т.	Ш.				

Всякому покажется непонятнымъ, какимъ образомъ мы могли понимать другъ друга съ такимъ ограниченнымъ числомъ звуковъ?... Я скажу въ отвѣтъ, что все зависитъ отъ привычки.— Вамъ вѣроятно случалось встрѣчать въ своей жизни множество ясноязычныхъ и вы ихъ понимали, употребля нѣкоторое умственное усилие. Вы встрѣчали картавыхъ, шепеляющихъ, вы встрѣчали многихъ изъ разныхъ концовъ нашей матушки-Руси, гдѣ сплющь да рядомъ замѣняютъ одни согласные другими и съ гласными поступаютъ также. Ну, теперь вообразите субъекта, который въ одномъ лицѣ совмѣстилъ всѣ эти недостатки и онъ вѣдеть съ вами рѣчъ!... Не спорю—вы будете въ большомъ затрудненіи сначала попытать его, но если рѣчь васъ интересуетъ, вы наконецъ его поймете—а меня съ братомъ интересовало каждое слово. Теперь вамъ будетъ понятна наша азбука....

Для васъ будетъ и скучно и утомительно читать подробное исчисление всѣхъ тонкостей нашихъ сношений. Сигналы, предо-

стереженія, сокращенія, а главное знаѣ, что я понялъ фразу, хотя бы она только начиналась одной буквой—этотъ знакъ способствовалъ быстрой текучести рѣчи и часто весь разговоръ состоять изъ начальныхъ буквъ фразы, безпрестанно прерываемой знакомъ: «я понимаю». Къ довершенню полнаго изображенія картины я долженъ упомянуть объ обожженной палочкѣ изъ вѣника, случайно выроненной, когда подметали мою тюрьму. Эта обожженная палочка замѣнила мнѣ пальцы, распухшіе отъ безпрестанного стучанія и ногти отъ невыносимой боли. — При этомъ не могу не улыбнуться при воспоминаніи — когда намъ, по прочтеніи сентенціи, позволено было видѣться съ родными и когда я въ присутствіи коменданта Сукина передалъ эту палочку одной изъ сестеръ, сказавъ ей тихо: «рgenez, c'est ma langue». Разрѣшеніе ихъ недоумѣній длилось долго — до ихъ прибытія въ Селенгинскъ, куда онѣ приѣхали, чтобы раздѣлить участъ братьевъ.

Мнѣ остается объяснить, отъ чего происходило такое продолжительное недоумѣніе брата, когда я пытался передать ему мою азбуку. Онъ, также какъ и я, чувствовалъ неодолимую потребность бесѣдоватъ со мною. Къ его несчастію, постукивая стѣну въ различныхъ мѣстахъ, онъ напаль на такое мѣсто, гдѣ толстая стѣна, болѣе аршина толщиною, была пробита сквознымъ четыреугольнымъ отверстиемъ, заложеннымъ только однимъ рядомъ кирпичей. По звукамъ въ пустомъ пространствѣ онъ заключилъ, что и съ моей стороны отверстіе было заложено только однимъ рядомъ кирпичей, и возымѣлъ намѣреніе просверлить этотъ рядъ, и потомъ, заставивъ меня сдѣлать тоже съ моей стороны — сообщаться изустно. Просверлить.... Это такъ легко сказать, но исполнить — это другое дѣло.... Какъ и чѣмъ братъ мой могъ исполнить свое намѣреніе — составляетъ эпизодъ самый занимательный нашей тюремной жизни, и доказываетъ, какъ настойчивая воля беретъ верхъ надъ всѣми затрудненіями. Онъ началъ съ того, что выломилъ одно крыло изъ жестянной перепетюэльки, затѣмъ это крыло, въ продолженіи двухъ недѣль, вострилъ и точилъ на кирпичѣ печи, куда глазъ часоваго не достигалъ. Потомъ этимъ инструментомъ, ночью, отщепилъ длинную лучину отъ ножки своей кровати. Для соединенія этого ножика съ луциною, онъ употребилъ нитки, вырванныя изъ одѣ-

яла. Такимъ-то снарядомъ онъ дошелъ до того, что слой кирпичей съ его стороны былъ пробуравленъ. Онъ ожидалъ такого же результата съ моей стороны. Но увы!.. я продолжалъ настойчиво стучать свою азбуку, а онъ, подъ вліяніемъ своей постоянной идеи, давалъ мнѣ знать, что я совсѣмъ не въ томъ мѣстѣ буравлю стѣну. Такъ длилось время до вышепомянутаго обстоятельства, положившаго конецъ нашимъ мученіямъ и начало нашего счастія.

Когда мы наговорились досыта, намъ захотѣлось распространить далѣе наше сношеніе съ сосѣдями и преимущественно съ Рыльевымъ, которой сидѣлъ только черезъ одинъ номеръ отъ брата. Но, въ несчастію, въ этомъ номерѣ сидѣлъ А. И. Одоевской, молодой, пылкій человѣкъ и поэтъ въ душѣ *). Мысли его витали въ областяхъ фантазіи, а спустившись на землю, онъ не зналъ какъ угомонить потребность дѣятельности его кипучей жизни. Онъ бѣгалъ какъ запертой львенокъ въ своей клѣткѣ, скакалъ черезъ кровать или стулъ, говорилъ громко стихи и пѣлъ романсы. Однимъ словомъ, творилъ такія чудеса, отъ которыхъ у стражей волосы подымались дыбомъ; что ему ни говорили, какъ ни страшали — все напрасно. Онъ продолжалъ свое и кончилось тѣмъ, что его оставили. Этотъ-то пылъ физической дѣятельности и былъ причиной, что даже терпѣніе брата Николая разбилось при попыткахъ передать ему нашу азбуку. Выждавъ тихую минуту въ его изаматѣ, едва братъ начиналъ стучать ему азбуку, онъ тотчасъ отвѣчалъ такимъ неистовыемъ набатомъ, колотя руками и ногами въ стѣну, что братъ въ страхѣ отскакивалъ, чтобъ не обнаружить нашего намѣренія. Послѣ долгихъ упорныхъ попытокъ, когда наконецъ онъ понялъ въ чёмъ дѣло и когда братъ уже трубилъ побѣду и мы рисовали въ своемъ воображеніи удовольствіе въ сношеніяхъ съ Рыльевымъ, надо же случиться, на бѣду нашу, что самая ничтожная бездѣлица — разбила въ прахъ наши мечты.... Одоевской не зналъ азбуки по порядку!...

М. А. Вестужевъ.

*) Князь Александръ Ивановичъ, см. о немъ въ концѣ этого тома «Русской Старинѣ».